

Вертинская
Анастасия
Курочкина

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ, актриса: Не хочу быть в одной упряжке

Сенсацией нынешнего театрального сезона оказалась актриса, больше десяти лет назад оставившая театр. Статус «звезды» она, тем не менее, сохранила — о том, что Анастасия ВЕРТИНСКАЯ возвращается на сцену, заговорили задолго до того, как МХАТ предоставил свою сцену спектаклю «Имаго» (его продюсером стал известный театральный художник Павел Каплевич). После спектакля с Вертинской встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИПОВ.

— Почему вы решили вернуться на сцену?

— Этот театральный проект я взяла потому, что он показался мне интересным, вот и все. Раньше мне предлагали большое количество спектаклей — коммерческих и некоммерческих. Но они меня не занимали.

— До «Имаго» вы были знакомы с пьесами Курочкина?

— Я читала «Стальову волю», за которую он получил «антибукера». Она очень меня заинтересовала — может быть, пьеса и сложна в постановке, но читать ее было интересно. Я видела его «Кухню» у Олега Меньшикова. «Имаго» был нашим заказом Курочкина — он заново прочел пьесу Шоу. В отечественном переводе сороковых годов лексического конфликта между ее персонажами нет, а ведь у Шоу Элиза Дулиттл разговаривает на языке кэбменов. Мы специально просили автора поляризовать речь Хиггинса и Элизы — нам было важно деклассировать мою героиню. И Максиму Курочкину это вполне удалось. В его тексте есть редкое сочетание слога, фантазии и юмора...

— Тем не менее его пьесы сегодня театром по-настоящему не востребованы.

— Я думаю, что после пьесы «Имаго» наш театр — пусть и со скрежетом — сделает поворот и в сторону молодой драматургии и режиссуры. Да, у молодых другой язык. Да, мы к нему не привыкли. Но игнорировать эту драматургию нельзя — репертуарный театр давно нуждается в обновлении. К антрепризе у нас относятся свысока. Считается, что антреприза — это когда двое актеров берут старую бродвейскую пьесу и возят ее по городам и весям, зарабатывая деньги. Наша антреприза создана не для этого, в ней много творческих мотивов — ни один репертуарный театр по доброй воле пьесу Курочкина не взял бы.

— Какого вы мнения о сегодняшнем репертуарном театре?

— Мне кажется, что в России он заканчивает свое существование. А больше его нигде и нет. Антреприза подразумевает, что руководит театром продюсер, а не режиссер, связанный своими художественными привязанностями. В результате труппа очень быстро стареет и мертва, туда не прите-

кают новые силы. Мне кажется, что система худруков устаревает. И это нормально. Актёр должен знать, что с сентября до октября он играет Гамлета, а после может подписывать другие контракты.

Другая важная причина, по которой я покончила с репертуарным театром, заключается в его «коллективизме». В советской идеологии все равнялись под одну гребенку. Хотя, на мой взгляд, смысл любого творческого союза именно в неравенстве. Стоять со всеми в общей упряжке можно до определенного возраста, пока ты еще не сформировался. Но со временем ты начинаешь понимать, что групповщина тебя не удовлетворяет.

Началась перестройка, стало можно попробовать что-то новое. Те, у кого были возможности выйти за прежние рамки, их использовали. У меня такая возможность была. Я преподавала актерское мастерство в Европе и оставалась в сфере своей профессии. Ничего особенного в моем «возвращении» нет: из этого делают событие, а я внутренне отношусь к этому совсем иначе.

— А если вам предложат хорошую роль в репертуарном театре или позвонят в его труппу...

— Олег Николаевич Ефремов предлагал мне вернуться в труппу МХАТа, звал меня и Олег Павлович Табаков. Но сегодня я не вижу в этом никакого резона. Я много переиграла, и мой интерес к ролям удовлетворен. А интерес к новому у меня остался — поэтому я в проекте «Имаго».

Известие. - 2002 - 10 окт. - с. 1.